Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 139–145.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):139-145.

Научная статья

УДК 81’373.2

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-139-145

ПЕРЕВОД ТОПОНИМОВ, ЯЗЫКОВОЙ НАЦИОНАЛИЗМ И КРИТИКА ЯЗЫКА

Сагит Гайлиевич Шафиков

Уфимский университет науки и технологий (УУНИТ), г. Уфа, Россия, sagit.shafikov@yandex.ru, 0000-0003-0257-9434

Аннотация: Статья посвящена проблеме влияния исходного языка (source language) на целевой язык (target language) при переводе топонимов, в частности хоронимов (наименований государственных образований). Данная проблема, которая находится на пересечении общей лингвистики, коллективной психологии и социологии, остается недостаточно изученной. Влияние на языковые структуры со стороны иного языка может рассматриваться как внешняя мелиорация языка, которая, в отличие от внутренней мелиорации, представляет собой его критику. Цель исследования состоит в дискурсивном анализе критики русского языка с помощью сравнительного метода для сравнения взаимно противоположных стратегий перевода имен собственных, индивидуальных вариантов перевода топонимов, деривационных моделей, а также мотивированности эквивалентных топонимов в языках сравнения. Результаты дискурсивного анализа кладутся в основание контр-критики языка, что позволяет констатировать факт лингвистического национализма, который по большей части имеет деструктивный характер. Лингвонационализм неизбежно приводит к минимизации роли русского языка на территории бывшего единого языкового пространства, способствуя укреплению национальных языков за счет переименования русских топонимов. Топонимическая критика языка не выдерживает критики прежде всего потому, что переименованный топоним, вступая в конкуренцию с традиционным наименованием, либо проигрывает, либо становится его приемлемым вариантом. Сильный статус русского языка вовлекает его в систему ценностей любой национальной культуры, которая поддерживает этот статус. В статье также подчеркивается корреляция лингвистического национализма с понятием «лингвистический нигилизм», означающим примитивное обывательское отношение к феномену языка и к языковой политике.

Ключевые слова: доместикация, культура, лингвистический национализм, лингвистический нигилизм, перевод, хороним, форенизация, экзоним, эндоним, язык

Для цитирования: Шафиков С. Г. Перевод топонимов, языковой национализм и критика языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 139–145. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-139-145.

Original article

TRANSLATION OF TOPONYMS, LINGUISTIC NATIONALISM AND CRITIQUE OF LANGUAGE

Sagit G. Shafikov

Ufa University of Science and Technology (UUST), Ufa, Russia, sagit.shafikov@yandex.ru, 0000-0003-0257-9434

Abstract: The article is devoted to the problem of an impact on a target language by a source language as a result of translation of toponyms, in particular choronyms (names of state territories). The problem that is located at the junction of general linguistics, collective psychology and sociology is far from being adequately addressed. The impact on linguistic structures on the part of another language may be considered as external improvement of language which, unlike internal improvement, suggests a critique of language. The aim of the research includes discursive analysis of the critique of the Russian language by means of the contrastive method that enables one to contrast the mutually antithetic strategies of translating proper names, individual variants of toponyms, their derivational patterns, as well as motivation of equivalent toponyms in the languages of contrast. The results of the discursive analysis serve the basis of a linguistic counter-critique that allows one to state the fact of linguistic nationalism which

© Шафиков С. Г., 2026

is largely of destructive nature. Linguistic nationalism inevitably minimizes the role of the Russian language on the territory of the once-united linguistic space, thus strengthening the status of national languages at the expense of renaming Russian toponyms. The toponymic critique of language does not stand up to scrutiny, as, for the most part, the renamed toponym competing the traditional name is either a failure or turning into an acceptable variant. The strong status of the Russian language involves it into the system of priorities of any national culture that maintains this status. The article also highlights the correspondence of linguistic nationalism with the notion of linguistic nihilism denoting primitive narrow-minded attitude towards the phenomenon of language and language policy.

Keywords: culture, domestication, endonym, exonym, foreignization, language, linguistic nationalism, linguistic nihilism, translation, toponym.

For citation: Shafikov SG. Translation of Toponyms, Linguistic Nationalism and Critique of Language. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):139-145. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-139-145.

Введение

История человечества сопровождается беспрестанным изменением политической карты мира, на которой старые наименования государственных образований сменяются новыми.

Этот процесс осуществляется *per se* в результате конкуренции *топонимов* (наименований географических объектов), связанных общим денотатом, либо *deliberando*, то есть в результате сознательного акта субъекта языка.

Такой акт может служить конкретным примером взаимовлияния мышления и языка.

Важной проблемой для науки о языке представляется перевод топонимических наименований, сопровождаемый влиянием исходного языка (source language) на целевой язык (target language).

Влияние на языковые структуры иного языка можно рассматривать как *критику языка*, которая может привести к его *реформации*.

Проблема состоит в том, насколько обоснованной может быть критика одного языка в отношении другого, влияя на его этнокультурную идентичность, насколько эта критика помогает развитию целевого языка в рамках соответствующей культуры, насколько полезным может оказаться *контр-критика* как преграда против лингвистической реформации.

Обсуждение этой проблемы служит целью данного исследования, которая конкретизируется решением двуединой задачи: а) установление стратегии перевода топонимов, б) установление правомерности критики языка в отношении топонимов.

Как объект научного исследования данная проблема, локализованная на стыке общей лингвистики, коллективной психологии и социологии, остается недостаточно изученной, что повышает актуальность исследования, делая его востребованным для теории языка.

Как известно, проблема взаимовлияния языка и мышления является одной из наиболее актуальных проблем лингвистики.

Идейно такое двустороннее взаимовлияние восходит к концепции В. Гумбольдта о внутренней форме языка и получает окончательное оформление в рамках гипотезы Сепира — Уорфа.

Как у В. Гумбольдта, так и в гипотезе лингвистической относительности речь идет о влиянии языковых структур на мышление. Обратное влияние, то есть влияние мышления на языковые структуры, считается *per se intellegitur* и поэтому обычно не рассматривается.

Как выражается «поздний» Э. Сепир, восприятие реальности зависит от «языковых привычек общества» [7, с. 175]. Следовательно, общественная необходимость изменения определенных единиц языка состоит в их «окультуривании», чтобы эмоционально, этически и политически приблизить восприятие реальности к культурным запросам человека.

Материалы и методы исследования

Улучшение языка, внутренняя мелиорация и реформация языка. «Окультуривание» лексики может рассматриваться как прецедент (пример) влияния мышления на язык – в отличие от обратного влияния, то есть влияния языка на мышление. Результатом такого влияния является так называемая ***мелиорация***.

Мелиорация, в свою очередь, представляет собой пример языковой универсалии, поскольку любой язык подвергается воздействию субъекта речи с целью его «улучшения». Следует различать ***внутреннюю мелиорацию***, которая связана с воздействием субъекта речи на свой родной язык с целью его облагораживания, и ***внешнюю мелиорацию***, которая связана с воздействием субъекта речи на иной язык с целью его исправления.

Объектом внутренней мелиорации служит обычно табуированная или болезненно чувствительная лексика; ср. примеры эвфемии в английском языке: *woman* «женщина» → *vaginal-American* (дословно «вагинальная американка»); *girl*

«девушка» → *pre-womyn* (дословно «предженщина»); *blind* «слепой» → *photonically non-receptive* (дословно «невосприимчивый к свету»); *deaf* «глухой» → *visually oriented* (дословно «ориентированный на зрение»); *poor* → *disadvantaged* (дословно «находящийся в невыгодном положении») → *economically unprepared* (дословно «экономически неподготовленный»); *drug addict* «наркоман» → *chemically challenged* (дословно «химически неполноценный»); *fat woman* «толстая женщина» → *alternative body image* (дословно «альтернативная внешность») [14]; ср. также пример окультуренной речи гоголевских дам из города N: *я высморкалась → я облегчила себе нос* / *я обошлась посредством платка* (Н. В. Гоголь. «Мертвые души»).

Эскалация средств внутренней мелиорации в конечном счете может привести к *реформации языка*, то есть к коренному изменению его существенных признаков.

Примером языковой реформации может служить фемилингвистика как целое направление в языкознании, которое стремится к гендерному выравниванию языковых структур, как бы испорченных изначально «маскулинным» языком [11].

Крайней формой реформации языка может стать потеря языковой идентичности, сравнимая с масштабным межъязыковым контактом вследствие военного захвата территории чужой культуры (**e.g.** завоевание Англии Вильгельмом Завоевателем), либо вследствие мирного заимствования иноязычных элементов или даже целого языка (**e.g.** роль французского языка у русского дворянства эпохи императоров).

Внешняя мелиорация, топонимика и национальная идентичность. В отличие от внутренней мелиорации как формы «окультуривания» своего национального языка, ***внешняя мелиорация*** «окультуривает» иной язык. Для этого используется перевод, в частности перевод топонимической лексики. «Улучшение» при этом достигается заменой топонима целевого языка на топоним исходного языка. Таким образом, внешняя мелиорация представляет собой «перевод с обратным результатом», поскольку целью служит не нахождение в целевом языке готовой единицы, соответствующей единице исходного языка, а замена единицы целевого языка единицей исходного языка.

Как известно, ономастика разделяет *онимы* (имена собственные) в соответствии с принципом «свой» / «чужой» на *эндонимы* и *экзонимы*. Эндоним представляет собой самоназвание народа или территории его компактного проживания, в то время как экзоним служит названием народа или его родной территории в ином языке. Как правило, эндонимы и экзонимы не совпадают; так, баски называют себя *эускалдунак*, венгры — *мадьярок*, армяне — *хайэр*, евреи — *йехудим*, финны — *суомалайсет* и т. д.

Типология онимов следует двум основным стратегиям их перевода, которые соответствуют понятиям «форенизация» и «доместикация» [6]. Под форенизацией понимается приближение онима к источнику, в то время как доместикация рассматривается как приближение онима к звучанию родного языка. С точки зрения языка перевода форенизация отождествляет переводимый оним с эндонимом, а доместикация — с экзонимом.

Перевод топонимов требует принципиального соответствия эндонима исходного языка экзониму целевого языка; при этом стратегия доместикации представляется более удобной благодаря традиции и связанной с ней узнаваемости (известности) данного наименования [9, с. 12] .

Внешняя мелиорация проявляется, например, в своеобразном давлении культуры бывших республик СССР на культуру русского языка с целью замены экзонима эндонимом; ср. примеры внешней мелиорации: *Целиноград* → *Акмола* → *Нурсултан* → ***Астана***, *Джамбул* → ***Жамбул***, *Кустанай* → ***Костанай***, *Алма-Ата* → ***Алматы***.

Внешняя мелиорация служит воплощением социологической тенденции, сравнимой в понятиях физики с центробежной силой, которая противостоит центростремительной силе. Тенденция движения от центра уравновешивается тенденцией к сближению с центром. В понятиях права, с одной стороны, государство печется о защите своего суверенитета, с другой стороны, каждый народ имеет право на самоопределение. *Mutatis mutandis*, с одной стороны, *языковой суверенитет* защищает языковую идентичность, с другой стороны, *языковое право* стремится к защите идентичности своей культуры любой ценой, даже за счет попрания языкового права другой культуры.

Материалом дальнейшего исследования служит топонимика государственных образований (хоронимы) и связанная с ней этнонимика постсоветского пространства с точки зрения критики русского языка. Целью исследования состоит: 1) в установлении типологии такой критики; 2) в проведении дискурсивного лингвистического анализа, объектом которого служат прецедентные критические суждения в отношении русского языка. Главным методом дискурсивного анализа служит *сравнение*, в частности, сравнение разных стратегий перевода, таких как *доместикация*

и *форенизация*, сравнение индивидуальных вариантов перевода хоронимов и этнонимов, сравнение деривационных моделей, а также анализ лексической мотивированности *эндонима* (топонима исходного языка) и *экзонима* (топонима целевого языка).

Результаты исследования и их обсуждение

Языковое право и языковой национализм. Языковое право, то есть право каждого гражданина на родной язык, обычно проявляется в политике *лингвистического* (*языкового*) *национализма* (*лингвонационализма*).

Лингвонационализм как *конструктивное явление* можно наблюдать, например, в социокультурном движении каталонцев в Испании, или ирландцев в Северной Ирландии и т. д. Вместе с тем, лингвонационализм может перерасти в *деструктивное явление* в случае придания языку политико-идеологического значения [13, с. 63], что неизбежно приводит к превознесению собственной нации благодаря этноисторическим мифам [10]. Деструктивный лингвонационализм расчищает путь политическому национализму, сегрегации национального меньшинства и сепаратизму [12, с. 95].

Практически во всех бывших республиках Советского Союза (кроме РФ) происходит укрепление национальных языков за счет минимизации роли русского языка. Локальными проявлениями этой тенденции может служить, например, переход с кириллицы на латиницу (в Казахстане) или популяризация «языковых патрулей» (в Киргизии).

В отличие от этого центробежного движения русского языка, которое носит в целом нейтральный характер, политика переименования хоронимов представляет собой однозначно негативное явление для русского языка. Потеря для русского языка состоит в явочной замене топонимов новыми наименованиями, «немотивированными свойствами объекта» [2, с. 77], что выводит его из топонимической системы русского языка.

Обычно мотивом вытеснения русского языка из топонимики служит национальная обида; ср. следующие примеры:

Пример № 1. Некоторые общественные организации («Башкирское национально-патриотическое движение», «Башкирское казачество», «Акбузат») требуют обязать российские СМИ использовать официальное наименование *Башкортостан* вместо слова *Башкирия*, которое якобы «умаляет статус республики» [5].

Пример № 2. Звучит требование заменить в русском языке название бывшей советской республики словом *Кыргызстан*, поскольку использовать слово *Киргизия* якобы значит «не считаться с независимостью» данной страны [8].

Большая часть переименований связана с ойконимами (наименованиями населенных пунктов). Переименованный ойконим теряет свою мотивированность в русском языке; ср. примеры переименования населенных пунктов в Киргизии: *Ворошиловка* → ***Аксу*** («белая вода»), *Ворошилово* → ***Талаз*** («запруда»), *Ленинское* → ***Узунколь*** («длинное озеро») и т. д. [4, с. 77].

Так, стремление к укреплению статуса национального языка под эгидой языкового национализма оборачивается понижением статуса русского языка.

Несколько неожиданным выглядит мелиорация традиционных топонимов русского языка, заимствованных из языков местных национальных образований; ср., например, переименование столицы Казахстана: *Алма-Ата* → ***Алматы***. Для русского языка, включившего переименование в свой ономастикон, такой тип мелиорации можно считать провальным, поскольку нарушается как словообразовательная, так и словоизменительная парадигма; ср.: *Алма-Ата* → *алма-атинский*, *Алма-Ата* → *ехать в Алма-Ату*, *Алма-Ата* → *гордиться Алма-Атой*; но *Алматы* → ?

Контр-критика как критика реформации русского языка. Приведенные примеры показывают, что лингвонационализм манифестирует себя прежде всего критикой языка в отношении традиционных топонимов и связанных с ними этнонимов.

Вместе с тем именно язык позволяет эффективно опровергнуть эту критику, как испорченный продукт с явным националистическим душком.

Критика языка не выдерживает критики главным образом потому, что навязываемый эндотопоним / эндоэтноним вступает в конкуренцию с традиционным наименованием и либо проигрывает (вариант под звездочкой), либо становится его приемлемым вариантом; ср.: **башкорт* ↔ ***башкир***, **кыргыз* ↔ ***киргиз***; *Башкортостан* ↔ ***Башкирия***, *Кыргызстан* ↔ ***Киргизия*** и т. д.

Несостоятельность топонимической критики языка обнаруживается при дискурсивном анализе лексической мотивированности, связанной с деривационной моделью «этноним» → «хороним»; ср.: *казахи* → *Казахстан*, *узбеки* → *Узбекистан*, *туркмены* → *Туркменистан*, *белуджи* → *Белуджистан* и т. д. Такая модель соответствует морфологической структуре хоронима с топоформантом, выраженным суффиксом ***-стан***, который

указывает на этнокультурную принадлежность территории. Таким образом, хороним, мотивируемый этнонимом, характеризуется ясной внутренней формой: *Казахстан* («страна казахов»), *Узбекистан* («страна узбеков»), *Туркменистан* («страна туркменов»), *Татарстан* («страна татар») и т. д.; по этой логике получается *Башкортостан* (страна **башкортов*). Однако русский язык в полном соответствии с логикой здравого смысла использует традиционный этноним (экзоним) *башкир* вместо эндоэтнонима *башкорт*; поэтому мотивированный дериват *Башкирия* выглядит более предпочтительно, чем его топонимический конкурент *Башкортостан.*

В отношении традиционных онимов (экзонимов) русский язык также использует деривационную модель с сохранением лексической мотивированности; в отношении эндонимов модель «этноним» → «производное прилагательное» уже не действует: *башкир → башкирский*, *киргиз → киргизский*, *чеченец → чеченский*, *белорус → белорусский* и т.д.; ср.: *башкорт → *башкортский*, *кыргыз → *кыргызский*, *Беларусь → *бел**а**рус → *бел**а**русский*, *Молдова → *молд**о**ванин → *молд**о**вский* /**молд**о**ванский*, *республика Саха → *сахинский*, *Тыва → *тывинский* и т.д.

Ономастика и общее языковое пространство. Вопрос о стратегии перевода на целевой (русский) язык должен решаться с учетом статуса русского языка в иной национальной культуре. Чем слабее этот статус, тем больше основание использовать стратегию доместикации, и наоборот. Сохранение сильного статуса русского языка объясняется сохранением традиционного межкультурного контакта между народами в пределах общего языкового пространства.

Большинство наследников национальных культур бывшего Советского Союза продолжают использовать русский язык, прежде всего, благодаря рыночной экономике, требующей взаимопонимания, что «в свою очередь требует распространения крупных языков и уменьшения языкового разнообразия» [1, с. 20]. Сильный статус русского языка в любой национальной культуре делает его частью этой культуры, включением в свою систему ценностей.

Сохраняя русский язык как важную составляющую своих этнических культур, этнические регионы РФ используют *топонимические варианты*, один из которых служит официальным наименованием республики, а другой – общеупотребительной номинацией (выделено подчеркиванием); ср. примеры: *Башкортостан — Башкирия*, *Молдова – Молдавия*, *Беларусь — Белоруссия*, *Якутия* (*Республика Саха*) — *Якутия*, *Республика Тыва — Тува* и т. д.

Даже такой лингвистически ущербный вариант, как *Башкортостан,* имеет право на сохранение «во избежание противоречий с существующим массивом источников» [3] при еще большем праве у общеупотребительного варианта *Башкирия*, закрепленного в еще большем массиве источников благодаря традиции.

Язык не может отказаться от традиционных хоронимов при наличии массы однокоренных этнонимов, таких как *тувинцы*, *чеченцы*, *якуты*, *армяне*, *таджики* и т. д. Поэтому большинство народов постсоветского пространства по-русски продолжает называть себя в соответствии с традицией, хотя в родном языке их эндотопонимы могут в корне отличаться от русских соответствий; ср.: *тувинцы* ↔ эндотопоним *Тыва*, *чеченцы* ↔ эндотопоним *Нохчийн*, *якуты* ↔ эндохороним *Саха*, *армяне* ↔ эндотопоним *Хайастан*, *таджики* ↔ эндотопоним *Точикистон* и т. д.

Языковой национализм и лингвонигилизм. Как известно, этнический национализм ничего общего не имеет с наукой. Подобным же образом лингвистический национализм, отрицающий научное знание, сближается с философией нигилизма, который отрицает общепринятые ценности, идеалы и понятия.

Понятие «лингвистический нигилизм», обычно определяемое как отрицание ценностей национального языка, в данной работе понимается несколько иначе, а именно как профанное (обывательское) отношение к внутренним законам языка и к языковой политике.

Ревнители идеи заимствования русским языком национальных самоназваний действуют не только самонадеянно и агрессивно, но лингвистически безграмотно. Продолжают умножаться случаи некорректного перевода в русский язык эндотопонимов и эндоэтнонимов, подобные приведенным выше примерам. Множество других примеров подтверждает лингвистический нигилизм критиков русского языка.

Заключение

Изменение в политической географии, в частности в геополитике, может приводить к изменению топонимов определенных государственных образований, что, в свою очередь, приводит к конкуренции топонимов. Конкуренция топонимов и вытеснение одного топонима другим может рассматриваться как прецедент влияния мышления на язык.

Влияние мышления субъекта речи на язык с целью его улучшения служит примером языковой универсалии, которую можно назвать мелиорацией языка. Языковая мелиорация может быть внутренней или внешней; внутренняя мелиорация связана с воздействием субъекта речи на свой родной язык с целью его окультуривания; внешняя мелиорация связана с воздействием субъекта речи, представляющего один язык, на иной язык с целью его исправления.

Внешняя мелиорация представляет собой феномен лингвонационализма, который может иметь как конструктивный, так и деструктивный характер; при этом конструктивное начало проявляется в стремлении укрепить национальный язык в рамках языкового права; деструктивный характер языковой национализм приобретает за счет умаления статуса иного языка.

Деструктивный лингвонационализм манифестирует себя критикой русского языка, которая охватывает как топонимику, так и связанную с ней этнонимику. Критика языка проявляется прежде всего в замене явочным порядком, то есть без предварительного согласования, традиционных топонимов (экзонимов) в русском языке, включая хоронимы, ойконимы и этнонимы, на эндонимы (самоназвания) в языке отдельной национальной культуры; кроме того, критика языка проявляется в гласном требовании части национального социума заменить тот или иной экзоним русского языка на эндоним языка иной культуры.

Лингвистический нигилизм в его деструктивном проявлении коррелирует с понятием «лингвистический нигилизм», что означает профанное, самонадеянное, безграмотное отношение как к феномену языка, так и к языковой политике.

Список источников

1. Алпатов В. М. Языковая политика в России и в мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 11–23.

2. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 318 с.

3. Кузьменко С. А., Новожилова Е. Н. Особенности перевода имен собственных в научно-популярном тексте. 2020. URL: https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2020/kuzmenko-novozhilova-2020.html?ysclid=mlckoglu8v543210179

4. Питина С. А. Особенности переименования топонимов в России, Казахстане и на Украине в контексте языковой политики // Знак: проблемное поле медиаобразования, 2018. № 4 (30). С. 74–82. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pereimenovaniya-toponimov-v-rossii-kazahstane-i-na-ukraine-v-kontekste-yazykovoy-politiki?ysclid=mlcr1ugrvh406524052

5. Поворазнюк С. Минкомсвязи попросили запретить называть Башкортостан Башкирией в СМИ. 2014. URL: https://vk.com/izvestia?ysclid=mkjfz1gpq1781274805

6. Раренко М. Б. Имена собственные и проблема их передачи в переводе // Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2022. С. 62–72. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/imena-sobstvennye-i-problema-ih-peredachi-v-perevode?ysclid=mlcrupj58c776025573

7. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. Л. : Соцэкгиз, 1934. 223 с.

8. Снитовский А. «Кыргызстан» или «Киргизия» — как правильно? 2022. URL: https://dzen.ru/a/Y2cq3rvjIiF0GH0b?ysclid=mlcsbkssog324982652

9. Спачиль О. В. Имя собственное в литературном переводе. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2021. 172 с.

10. Фаткуллина Ф. Г. Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: https://science-education.ru/article/view?id=18126&ysclid=mlcsrftder599919010

11. Шафиков С. Г. Политкорректность, фемилингвистика и реформация языка // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 2. С. 526–531.

12. Штукенброк А. Лингвонационализм. Языковая рефлексия как посредник коллективной самоидентификации в Германии (1617–1945) // От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». СПб. : Антология, 2013. 352 с.

13. Янкова Н. А. Деструктивный потенциал лингвистического национализма и его проявления в современном обществе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 1 (50). С. 61–67.

14. Beard H., Cerf Ch. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook. N. Y., 1992. URL: https://openlibrary.org/books/OL1566889M/The_official_politically_correct_dictionary_and_handbook

References

1. Alpatov VM. Yazikovaya politika v Rossii i v mire. Language Policy in Russia and the World. Yazikovaya politika i yazikoviye konflikti v sovremennom mire = Language Policy and Language Conflicts in the Modern World. 2014. P. 11-23. (In Russ.).

2. Berezovich EL. Russian Toponymy in the Etymological Aspect. Moscow, 2009. 318 p. (In Russ.).

3. Kuzmenko SA, Novozhilova EN. Translation of Proper Names in Popular Science. 2020. Available at: https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2020/kuzmenko-novozhilova-2020.html?ysclid=mlckoglu8v543210179 (accessed 07.02.2026). (In Russ.).

4. Pitina SA. Osobennosti pereimenovaniya toponimov v Rossii, Kazakhstane i na Ukraine v kontexte yazikovoi politiki. – The Pecularities of Renaming Toponyms in Russia, Kazakhstan and Ukraine in the Context of Language Policy. Sign: The Problem Field of Media Education. 2018. 4 (30). P. 74-82. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pereimenovaniya-toponimov-v-rossii-kazahstane-i-na-ukraine-v-kontekste-yazykovoy-politiki?ysclid=mlcr1ugrvh406524052 (accessed 07.02.2026). (In Russ.).

5. Povoraznuk S. The Ministry Requested to Ban the Name of Bashkiria for Bashkortostan. 2014. Available at: https://vk.com/izvestia?ysclid=mkjfz1gpq1781274805 (accessed 07.02.2026) (In Russ.).

6. Rarenko MB. Imena sobstvenniye i problema ikh peredachi v perevode. Proper Names and the Problem of their Rendering in Translation. Institut nauchnoi informatsii po obshestvennim naukam = The Institute of Scientific Information in the Humanities. 2022. P. 62-72. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/imena-sobstvennye-i-problema-ih-peredachi-v-perevode?ysclid=mlcrupj58c776025573 (accessed 07.02.2026). (In Russ.).

7. Sapir E. An Introduction to the Study of Speech. Leningrad, 1934. 223 p. (In Russ.).

8. Snitovskiy A. Kirgizstan or Kirgizia — Which is Correct? 2022. Available at: https://dzen.ru/a/Y2cq3rvjIiF0GH0b?ysclid=mlcsbkssog324982652 (accessed 07.02.2026). (In Russ.).

9. Spachil OV. The Proper Name in Literary Translation. Krasnodar, 2021. 172 p. (In Russ.).

10. Fatkullina FG. Toponimi kak komponent yazikovoi kartini mira. Toponyms as a Component of the Linguistic World View. Sovremenniye problemi nauki i obrazovaniya = Modern problems of Science and Education. 2015. 1 (1). Available at: https://science-education.ru/article/view?id=18126&ysclid=mlcsrftder599919010 (accessed 07.02.2026). (In Russ.).

11. Shafikov SG. Politkorrektnost, femilingvistika i reformatsiya yazika. Political Correctness, Feminist Criticism of Language and Language Reform. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = The Bulletin of Bashkir University.* 2021;26(2):526-531. (In Russ.).

12. Shtukenbrok A. Lingvonatsionalizm. Yazikovaya refleksiya kak posrednik kollektivnoi samoidentifikatsii v Germanii (1617–1945). The Linguistic Reflection as an Intermediary of Collective Self-identification in Germany (1617–1945). Ot lingvistiki k mifu: lingvisticheskaya kulturologiya v poiskakh "etnicheskoi mentalnosti" = From Linguistics to Myth: Linguistic Studies Across Cultures in Search of "Ethnic Mentality". St. Petersburg, 2013. 352 p. (In Russ.).

13. Yankova NA. Destruktivniy potentsial lingvisticheskogo natsionalizma i yego proyavleniya v sovremennom obshestve. The Destructive Potential of Linguistic Nationalism and its Manifestation in Modern Society. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura = The Caspian Region: Politics, Economy, Culture.* 2017; 1(50):61-67. (In Russ.).

14. Beard H, Cerf Ch. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook. N. Y., 1992. Available at: https://openlibrary.org/books/OL1566889M/The_official_politically_correct_dictionary_and_handbook (accessed 07.02.2026). (In Russ.).

Информация об авторе

С. Г. Шафиков — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной лингвистики, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан.

Information about the author

S. G. Shafikov — Doctor of Science (Philology), Professor, Professor of the Department of Foreign Linguistics, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan.

Статья поступила в редакцию 19.03.2026; одобрена после рецензирования 01.04.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 19.03.2026; approved after reviewing 01.04.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.